

March 31, 1954
**From the Journal of Ambassador Pavel Yudin:
Memorandum of Conversation with Mao Zedong, 26 March
1954**

Citation:

"From the Journal of Ambassador Pavel Yudin: Memorandum of Conversation with Mao Zedong, 26 March 1954," March 31, 1954, History and Public Policy Program Digital Archive, AVP RF, f. 06, op. 13a, papka 39, d. 227, ll. 1-5. Obtained by Paul Wingrove and translated by Paul Wingrove.
<http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/111360>

Summary:

Chairman Mao and Soviet Ambassador Pavel Yudin discuss the "Gao Gang affair." Mao recounts Gao Gang's scheming within the ranks of the CCP, and how he tried to use Mao's name to attack Liu Shaoqi and Zhou Enlai.

Original Language:

Russian

Contents:

- English Translation
- Scan of Original Document

31 March 1954

No. 284

Top Secret Memorandum of Conversation between P. F. Yudin and [Chinese Communist Party (CCP) Chairman] Cde. Mao Zedong, 26 March 1954¹¹¹

In accordance with instructions from Moscow [*Tsentr*], I visited Mao Zedong on the matter of bringing together leading figures in the CCP, Democratic People's Republic of Korea [DPRK] and [the Democratic Republic of] Vietnam at the CPSU CC in connection with the imminent Geneva Conference and simultaneously imparted to him the content of Comrade [Mikhail] Suslov's letter. The memorandum of conversation on both these questions has been produced separately.

After the conclusion of discussion on both the aforementioned questions, I was about to leave, but Mao asked me to stay and said that he wanted to have a chat with me as we used to do, as comrades, as we often did on my previous visits to China.

1.) He said that during his stay in Hangzhou he had managed to get a good rest and felt well. In the last thirty-five days of his holiday he had walked in the mountains a lot. "During my absence," said Mao Zedong, "they began to spread fabrications abroad concerning my serious ill-health, that I was seriously ill from tuberculosis according to one version, and that I had heart disease according to another. And they were spreading rumors that in the event of my death, Gao Gang would take over my position. But, as you see, I am in fine health and not about to die."

Continuing this train of thought, begun in connection with the aforementioned Gao Gang, Mao said that for a long time it was felt that both within the party and outside it something had not been right. There was a feeling as if an earthquake was taking place, with tremors breaking out sometimes here, sometimes there, but it was impossible to say where the epicenter was located. This became particularly evident in June-July of last year, when the CCP CC convened a conference on financial and economic matters. Then, from July to December of 1953, it became more strongly felt that two centers existed within the party, one being the party's Central Committee, but the other invisible and underground. The tremors began to be felt even more strongly in the party. After 24 December, when this question was discussed in the Politburo, many things became clearer. Now we know where this was all coming from. However, that does not mean that an earthquake cannot occur in another place.

Elaborating some of the details of this "Gao Gang affair," Mao Zedong informed me that after the February Plenum of the CCP CC, two commissions worked for two weeks and managed to clarify a good deal. An especially noteworthy fact was that Gao Gang and Rao Shushi had both been arrested in the past. Some parts of that period of their biographies were previously unclear, but now this has become a little clearer. In his personal life Gao Gang was a sordid individual. He had a lot of women, some of whom, as had become clear, were hostile elements. Now, in a number of ways, the CC was trying to establish whether Gao Gang was connected with imperialists. Much valuable material exposing the activities of Gao Gang was provided by his secretaries.

After Gao Gang's return from Moscow, where he had flown in connection with the Beria affair, continued Mao Zedong, Gao became particularly active. An especially revealing fact was that, having returned from Moscow, he talked to no one about the two extremely important aspects of the decision of the CC of the CPSU, namely the damage of the propaganda of the cult of personality and the necessity for collective leadership of the party. Typical was this: having returned from Moscow Gao Gang did not go home, but immediately headed for the Beijing Hotel, where party workers who had come from the provinces on business were staying, and began to work on them. The Gao Gang-Rao Shushi anti-party group adopted this tactic for its underground activity: to avow support for Mao Zedong and Lin Biao, but struggling in the first instance against Liu Shaoqi and then against Zhou Enlai. "But of course," Mao remarked, "it's not a matter of names, but of the party and its unity." To my response that this was the usual tactic of factionalists, that to

act openly against Mao was beyond their power, Mao replied that by hiding behind his name the factionalists had deceived many comrades and that was precisely why he (Mao Zedong) must swiftly and clearly state his point of view and show where he stood, otherwise "an epidemic of factionalism would quickly spread inside the party."

When the Gao Gang affair was revealed, the majority of party members correctly understood the actions of the CC, but some of them could fairly charge it with sluggishness. In this connection Mao Zedong, half in jest, said, "Mao Zedong proposed Gao Gang for membership in the Politburo, and he named him as deputy chairman of the central government. Now the comrades are having to approve all sorts of measures in relation to the Gao Gang affair, and they are asking why the CC overlooked this matter. Mao replies that evidently it was because he was blind. Then the comrades ask how Mao can work if he has gone blind – to which Mao replies that he has now recovered his sight." In this regard, Mao noted that he felt poorly at the end of last year. Knowing the verdict of the USSR procurator on the Beria affair helped CCP CC in finding the right way to expose the anti-party activity of Gao Gang. At that time he suspected Gao Gang of anti-party activity but was not absolutely sure, and that is why he was guarded in his relations with him. To my remark that it was understandable that at our meeting in Hangzhou that Mao, when asking to be allowed to familiarize members of the Politburo with the verdict on Beria, did not refer to Gao Gang, Mao Zedong said that at that time the CC still did not know everything. They thought it would not be necessary to convene a plenum, but later they decided it was necessary. He remarked that he [Mao] now feels better, since all this has helped to produce a healthier situation. Now additional material on Gao Gang is coming to light which clarifies many details. The final decision will be put to the next plenum of the Central Committee. Drawing on the words of Lenin, that a party strengthens itself when it cleanses itself of its enemies, I said that in the present circumstances the CCP was going through a process of strengthening itself. Mao remarked that this did not preclude the possibility of the appearance of "factionalists" in the future. In reply to my rejoinder that if there are classes then there is class struggle, even within the party, Mao Zedong said: when outwardly all seems well in the party, that does not mean that in fact all is well inside the party.

Then, having remarked that Gao Gang was a friend of Kovalev, Mao asked me if I had seen Kovalev's letter to Stalin. I replied that I had not seen the letter, but that Comrade Stalin had told me about it. Mao Zedong said that in this letter, which had been kept and which he could show to me, everything had been suggested by Gao Gang. The basic content of the letter was that apart from Gao Gang himself, there wasn't a single good comrade in the Central Committee. Of course, Gao Gang was leading Kovalev when he characterized some members of the CC as pro-American in inclination and the others as anti-Soviet. It is clear that Gao Gang has had intentions of that sort for a long time.

In reply to Mao's question about where Kovalev was now working, I said that I had heard he was a railwayman who had become involved in politics—I don't know. He was an unimportant figure in China. (Mao's translator Shi Zhe, present at the conversation, remarked that he thought he was working as deputy minister for the coal industry).

2.) Then Mao Zedong told me about the organization of work in the CC. He informed me that at present he is little occupied with current problems, but that [he] delegates their handling to other members of the Politburo, who consult with him in the process of preparing the most important decisions. This has been done so that, on the one hand, it raises the activity of each member of the CC, and, on the other, to give himself [Mao] the opportunity to study and prepare the most important decisions and problems. Experience has shown that such an organization of work gives the best results. "The last two months in Hangzhou," Mao commented, "I did quite a lot more than I would have done if I had been preoccupied with current problems here in Beijing." Mao Zedong said that in that time he had composed or edited the following documents: (1.) A document about the work of the CCP CC; (2.) The decision of the February Plenum of the CC concerning the unity of the party; (3.) Zhou Enlai's theses on the Gao Gang affair; (4.) An announcement for the press regarding the February Plenum of the CC; (5.) The draft constitution of the PRC [People's Republic of China]; and other things. Recently, continued Mao, a practice in the CC was developed

whereby a document created by Mao or some other member of the Politburo might be considered jointly by a group of leading comrades from the CC. This method of working gives the best results and has met with the approval of members of the Politburo. Continuing this reflection on organizational work Mao, laughing, said, "we have put younger members of the CC into the front line of day-to-day work, while I am as it were, in the second rank. It's like in war: if the enemy breaks through the first line, then the second line steps forward to take up the fight."

[...]

^[1] The document bears a blank RF Foreign Policy Archive stamp and the faded, illegible signatures of two officials who read the document.

Фонд _____

Опись № _____

Пер. № _____

Из дневника
П.Ф. ЮДИНА

РАССЕКРЕТНО
19 г.

СОВ. СЕКРЕТНО.

Экз. № 1

"4" марта 1954 г.

№ 284

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

ПОСЛА СССР В КНР ЮДИНА П.Ф. С ТОВАРИЩЕМ МАО ЦЗЭ-ДУНОМ
26 марта 1954 г.

В соответствии с поручением Центра посетил Мао Цзэ-дуна по вопросу совещания руководящих работников КНР, КНДР и Вьетнама в ЦК КПСС в связи с предстоящей Женевской конференцией и одновременно сообщил ему содержание письма тов. Суслова. Запись беседы по обоим этим вопросам произведена отдельно.

После того, как были обсуждены вышеуказанные вопросы, я собрался уходить, но Мао Цзэ-дун попросил задержаться и сказал, что он хотел бы побеседовать со мной как раньше, по-товарищески, как это было нередко в мои прошлые приезды в Китай.

1. Он сказал, что за время пребывания в Ханчжоу отдохнул неплохо и чувствует себя хорошо. Последние 35 дней отдыха много ходил по горам. "Во время моего отсутствия, - сказал Мао Цзэ-дун, - за границей стали распространять небылицы о моей серьезной болезни, что я якобы тяжело болен по версии одних - туберкулезом, по словам других - сердечной болезнью. При этом распространяли слух, что в случае моей смерти мой пост займет Гао Ган. А я, как видите, вполне здоров и помирать не собираюсь".

Продолжая мысль, начатую в связи с упоминанием Гао Гана, Мао Цзэ-дун сказал, что длительное время чувствовалось что в партии и вне ее что-то неладится. Было такое ощущение, словно происходит землетрясение, причем подземные толчки

Тов. Юдина рассказывал 3385-24
3.14.54г. (Беседа с тов. Сусловым 8-мий)

возникают то тут, то там, но где находится центр - нельзя было сказать. Особенно ясно такое положение определилось в июне-июле прошлого года, когда ЦК КПК созвал совещание по финансово-экономическим вопросам. С июля по декабрь 1953 г. стало еще сильнее чувствоваться, что в партии существуют два центра, один - это ЦК, а другой - невидимый, подпольный. Подземные толчки в партии стали чувствоваться еще более заметно. После 24 декабря /обсуждение этого вопроса на Политбюро/ стало многое яснее. Теперь мы знаем, откуда это исходило. Однако это не означает, что землетрясение не может возникнуть и в другом месте.

Коснувшись некоторых деталей дела Гао Гана, Мао Цзэ-дун сообщил, что после февральского Пленума ЦК КПК в течение 2-х недель работали две комиссии, которые помогли выяснить многое. Особенно заслуживает внимания тот факт, что как Гао Ган так и Мао Шу-ши в прошлом арестовывались. Некоторые моменты этого периода их биографии раньше были неясными, теперь же кое-что выяснилось. В личной жизни Гао Ган является грязным человеком. У него было много женщин, часть из них, как выяснилось, являлись враждебными элементами. Сейчас через различные каналы ЦК пытается выяснить, не был ли Гао Ган связан с империалистами. Много ценного материала, разоблачающего деятельность Гао Гана, дали его 4-е секретаря.

После возвращения Гао Гана из Москвы, куда он летал в связи с делом Берия, - продолжал Мао Цзэ-дун, - Гао Ган начал действовать особенно активно. Показательным является тот факт, что, вернувшись из Москвы, он никому не говорил о таких двух важнейших вопросах решения ЦК КПСС, как о вреде пропаганды культа личности и о необходимости коллективного руководства партии. Характерным является такой штрих: вернувшись из Москвы, Гао Ган не поехал домой, а сразу направился в "Пекин-отель", где жили тогда приехавшие в командировку

партийные работники с мест, и начал их обрабатывать.

Антипартийная группировка Гао Гана и Мао Шу-ши в своей подрывной деятельности избрала такую тактику: высказываться за поддержку Мао Цзэ-дуна и Линь-Бяо, но бороться в первую очередь против Лю Шао-ци и затем против Чжоу Энь-лая. "Дело тут, конечно, не в фамилиях, - заметил Мао Цзэ-дун, - а в партии, в ее единстве".

На мое замечание, что это обычная тактика фракционеров что открыто выступать им против Мао Цзэ-дуна не под силу, Мао Цзэ-дун заявил, что, прикрываясь его именем, фракционеры обманывали многих товарищей и что именно поэтому он /Мао Цзэ-дун/ должен был быстро и ясно высказать свою точку зрения, показать свою позицию, иначе "эпидемия фракционной борьбы в партии стала бы быстро распространяться". Когда дело Гао Гана раскрылось, большинство членов партии правильно поняли мероприятия ЦК, но некоторые могут законно упрекнуть ЦК в медлительности. В связи с этим Мао Цзэ-дун, полусуто, сказал следующее: "Мао Цзэ-дун предложил избрать Гао Гана в члены Политбюро, он назначил его заместителем председателя Центрального правительства. Теперь товарищи одобрили все мероприятия в отношении Гао Гана, но говорят, почему ЦК просмотрел. Мао говорит, что, видимо, потому, что был слеп. Тогда товарищи спросят, как может Мао работать, если он ослеп. На это Мао говорит, что теперь он прозрел". При этом Мао Цзэ-дун заметил, что он себя скверно чувствовал в конце прошлого года. Знакомление с обвинительным заключением прокуратуры СССР по делу Берия помогло ЦК КПК найти правильный путь выявления антипартийной деятельности Гао Гана. В то время он подозревал Гао Гана в антипартийной деятельности, но полностью уверен не был и поэтому настороженно относился к Гао Гану. На мое замечание, что это можно было понять во время нашей встречи в Ханчжоу, ибо Мао Цзэ-

дун, прося ознакомить некоторых членов Политбюро ЦК КПК с обвинительным заключением по делу Берия, не упомянул при этом Гао Гана, Мао Цзэ-дун сказал, что тогда ЦК еще всего не знал, думали, что не нужно будет собирать Пленум, но после решили, что это сделать необходимо. Он заметил, что теперь самочувствие у него /Мао Цзэ-дуна/ хорошее, ибо все это помогло оздоровить обстановку. Сейчас поступает дополнительный материал о Гао Гане, выясняются многие детали. Официального заключения ЦК по делу Гао Гана еще не сделал. Окончательное решение будет вынесено на следующем Пленуме ЦК КПК.

Приведя слова Ленина о том, что партия, очищаясь от врагов, укрепляется, я сказал, что в данном случае идет процесс укрепления китайской компартии. Мао Цзэ-дун заметил, на это, что не исключена возможность появления фракционеров в КПК и в дальнейшем.

В ответ на мою реплику о том, что если есть классы, есть и классовая борьба, в том числе и в партии, Мао Цзэ-дун сказал, что когда в партии внешне кажется все гладко, это еще не означает, что внутри все благополучно и хорошо.

Затем, заметив, что Гао Ган был в дружбе с Ковалевым, Мао Цзэ-дун спросил меня, видел ли я письмо Ковалева тов. Сталину. Я ответил, что письма не видел, но что тов. Сталин рассказывал мне о нем.

Мао Цзэ-дун сказал, что в этом письме, которое сохранилось и которое он может показать мне, все было подсказано Гао Ганом. Основное содержание письма сводится к тому, что в ЦК КПК, кроме Гао Гана, нет ни одного хорошего товарища. Конечно, Гао Ган наталкивал Ковалева, когда одних членов ЦК характеризовал как настроенных проамерикански, других - как антисоветски. Теперь становится ясным, что у Гао Гана давно были какие-то намерения.

На вопрос Мао Цзэ-дуна, где теперь работает Ковалев,

я сказал, что о Ковалеве я слышал как о железнодорожнике, а как в политики он попал - я не знаю. В Китае он был случайным человеком. Сейчас он работает в одном из хозяйственных министерств. /Присутствовавший на беседе Ши Чжэ заметил, что он, кажется, работает зам.министра угольной промышленности/.

2. Затем Мао Цзэ-дун рассказал об организации работы в ЦК. Он сообщил, что сейчас текущими делами сам он мало занимается, а ведение их поручил остальным членам Политбюро, которые в процессе подготовки наиболее существенных практических вопросов советуются с ним. Это делается для того, чтобы, с одной стороны, поднять активность каждого из членов ЦК, а с другой, - иметь возможность самому заняться изучением и подготовкой более важных вопросов и проблем. Опыт показал, что такая организация работы дает лучшие результаты. "За последние 2-месяца в Ханчжоу, - заметил Мао Цзэ-дун, - я сделал гораздо больше, чем мог бы сделать здесь, в Пекине, занимаясь текущими делами". Мао Цзэ-дун сказал, что за это время он составил и ^{ли}отредактировал следующие документы: 1) доклад о работе ЦК КПК, 2) решение февральского Пленума ЦК КПК о единстве партии, 3) тезисы Чжоу Энь-лая о деле Гао Гана, 4) сообщение для печати о февральском Пленуме ЦК КПК, 5) проект конституции КНР и другие. За последнее время продолжал Мао Цзэ-дун, в ЦК сложилась практика, при которой составленный Мао Цзэ-дуном или каким-либо другим членом Политбюро документ передается для совместного обсуждения группе руководящих товарищей из ЦК. Такой метод коллективной работы дает хорошие результаты и встретил одобрение всех членов Политбюро. Резюмируя свою мысль об организации работы, тов. Мао Цзэ-дун, смеясь, сказал: "в текущих делах на первую линию огня сейчас выдвинуты более молодые члены ЦК, а я нахожусь как бы на второй линии. Получается как на войне: если враг прорвет первую линию, то вступает в бой вторая линия". При такой организации дела, - заметил Мао